

Э.Н.Г. ДОБСОН

**«ВСЕ, ЧТО Я ОСТАВИЛ ПОЗАДИ»¹ – ВКЛЮЧЕНИЕ
ЭКОЛОГИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕЙНСТРИМ²**

Двадцать лет назад Маргарет Тэтчер, возглавлявшая правительство Великобритании, заявила в своей речи, обращенной к Королевскому обществу: «Многие поколения людей полагали, что человечество никак не влияет на сложившееся природное равновесие. Однако вполне вероятно, что все эти широкомасштабные изменения (в народонаселении, сельском хозяйстве, использовании ископаемого топлива), сконцентрированные на коротком отрезке времени, означают начало непродуманного большого эксперимента с планетарной системой как таковой» [Thatcher, 1988]. Эта речь считается важным рубежом в развитии экологического движения – и вовсе не потому, что Тэтчер присоединилась к его участникам (этого не произошло), а потому, что экологические проблемы стали частью доминирующего политического дискурса. Включение этой проблематики в политический мейнстрим было тем более заметно, что политика Тэтчер всегда ассоциировалась с такими явлениями, как большой бизнес, свободный рынок, ориентация на индивидуальные потребности, а не общественные нужды, – другими словами, со всем тем, что так яростно критикуют энвайронменталисты. В конце концов, если глава одного из наиболее либеральных пра-

¹ Строка из альбома певицы Эммилу Харрис (2007).

² Выражаю признательность Р. Проховник и М. Саварду за возможность поделиться своими размышлениями, в особенности второму за его ценные комментарии. Я признателен также двум анонимным рецензентам, которые помогли мне улучшить аргументацию. – *Прим. авт.*

вительств в современной истории позволяет себе открыто говорить о целях и ценностях, чуждых рыночным, например о том, что «сохранение природного равновесия является одним из главных вызовов конца XX века» [Thatcher, 1988], то политики других направлений неизбежно последуют ее примеру.

Интеграция экологической проблематики в политический мейнстрим, чему способствовала речь Тэтчер, серьезно повлияла на наше представление об экологических проблемах и путях их решения. Двадцать лет спустя тенденции развития экологического движения вполне очевидны. «Зеленая» политическая теория сейчас выглядит иначе, чем в прошлом, что может быть объяснено, как я полагаю, смещением политической программы зеленых в сторону центра. Этот сдвиг, в частности, обусловлен все более широким участием зеленых в деятельности парламентских и правительственных коалиций [Green parties, 2002]. Конечно, в 1988 г., когда Маргарет Тэтчер произносила свою «экологическую» речь, ситуация была совсем другой. Развитие теоретических подходов, на которые опирались партии зеленых, шло вслед за эволюцией политической составляющей экологизма, причем направление их трансформаций отражало включение проблем окружающей среды в политический мейнстрим.

В чем же состояли эти изменения?

Прежде всего, существуют три отличительных признака экологизма, которые делают его совершенно самостоятельной идеологией, — об этом я писал еще в 1990 г. [Dobson, 1990]. Следует отметить, что нижеприведенные гипотезы — это всего лишь моя интерпретация политического экологизма и далеко не все исследователи разделяют мои представления. Однако я абсолютно уверен, что выделенные мною признаки охватывают широкую проблемную область и являются релевантными для данной темы. Я полагаю, что эти три элемента, и в особенности первые два, настолько сильно отличаются от элементов других идеологических систем, что уже это позволяет выделить «экологизм» в отдельную идеологию и, в частности, разделить «экологизм» и «энвайронментализм». Последний вполне может быть ассимилирован другими идеологиями (например, социалистическим энвайронментализмом), в то время как в случае экологизма это невозможно.

Первый отличительный признак экологизма – так называемый принцип «экоцентризма» – в широком смысле представление о том, что человек – единственное существо, которое может производить ценности, но он не является единственным, обладающим самодостаточной ценностью. И хотя существует представление о том, что природа служит для человека инструментальной ценностью, экологизм рассматривает природу в качестве независимой, самодостаточной ценности. Например, в пользу защиты тропических лесов можно выдвинуть много аргументов: что их богатый природный мир может содержать сырье для лекарств от человеческих болезней; или что эти леса являются ключевым элементом климатической стабильности; или что тропические леса необходимы для выживания местных племен. Однако с точки зрения политических экологистов, тропические леса будут оставаться ценностью, даже не обладая всеми этими полезными качествами. Экоцентристы не настаивают на том, что в случае конфликта интересов ценность природы должна перевешивать все остальные доводы, но они стремятся сделать ее одним из факторов процесса принятия решений.

Вторым лейтмотивом раннего экологизма была убежденность в правильности теории пределов роста [Meadows, Randers, Behrens, 1974; Meadows, 1992; Meadows, 2005]. И хотя конкретные детали меняются, основная идея остается неизменной: постоянный рост в замкнутой системе – это несбыточная мечта. Дефицит невозобновляемых ресурсов или стресс, вызванный неспособностью ограниченной системы справиться с дестабилизирующим воздействием человека, – все это (вместе или по отдельности) может привести к катастрофе. Критики теории пределов роста раз за разом выдвигали аргументы о неисчерпаемости человеческой изобретательности и смекалки при решении проблем, вызванных прогрессом, о способности рыночной экономики справиться с недостатком ресурсов, о новых технических достижениях, которые позволят нам эффективнее использовать ресурсы, и т.п. Однако ни один из них не смог поколебать уверенность политических экологов в том, что политические и экономические системы, измеряющие свой рост и успех в показателях ВВП, в долговременной перспективе обречены на неудачу.

Третий отличительный признак раннего экологизма сыграл еще более важную роль в развитии этой идеологии. Столкнувшись с вопросом о том, как лучше организовать и поддерживать экологически устойчивое общество, политические экологи выдвинули идею радикальной децентрализации. Конечно, экологизм не уникален в этом отношении – различные ветви либерализма и анархизма тоже пропагандируют идею децентрализованного общества. Однако экологизм приводит ряд новых доводов в пользу децентрализации. В то время как другие идеологии рассматривают децентрализацию через призму императива демократии, апеллируя к тому, что небольшие сообщества позволяют уменьшить дистанцию между решениями, последствиями этих решений и теми, кто эти решения принимает, политические экологи утверждали и утверждают, что децентрализованные формы социальной организации дают возможность выявить экологические последствия производства и потребления через сближение производителя и потребителя. До сих пор в политике «зеленых» сильны стремления к децентрализации и действиям на локальном уровне. Однако эти побуждения в значительной степени были скорректированы политическим реализмом, который вернул в энвайронменталистскую политическую теорию концепт государства как ключевого социального и политического образования, а также инструмента достижения устойчивого развития.

Итак, экоцентризм, теория пределов роста и децентрализация – три самых ярких признака, которые выделяют экологизм из ряда других современных политических идеологий¹. По мере развития «зеленой» политической теории каждый из этих трех компонентов претерпевал изменения. Я осознал это, когда меня попросили подготовить 4-е издание «Политической мысли зеленых» [Dobson, 2007]. В первом издании [Dobson, 1990] я выдвигал примерно те же самые идеи, что и в данной работе. Однако в настоящее время определить экологизм через эти три признака уже затруднительно, поскольку они более не являются частями идеологии в ее современном понимании. Это вызвано комплексом взаимозависим-

¹ Как заметил один из моих анонимных читателей, степень влияния науки на разработку энвайронменталистской политической теории чрезвычайно велика – от возможностей использования второго закона термодинамики для понимания некоторых аспектов экономического роста до исследований, объясняющих причины глобального изменения климата. – *Прим. авт.*

мых причин, но прежде всего необходимо сначала уяснить, в чем состоит содержание идеологии. Согласно распространенной точке зрения, содержание идеологии определяется комбинацией стоящих за ней идей, развитых в политической теории и философии, и тем, как эти идеи реализуются на практике политическими институтами, такими, например, как партии. Как и любая другая идеология, экологизм в своей теории и практике не остался в стороне от событий последних 20 лет.

Рассмотрим, например, эгоцентризм. Теоретики, развивающие это направление, а также партии зеленых, участвовавшие в выборах во многих странах мира, все реже обращались к идее самоценности природы как к основанию для ее защиты. В этике зеленых стали главенствовать антропоцентристские ценности, что в значительной степени было вызвано стремлением сделать их политику электорально релевантной. Иногда эти идеи принимают четкую и простую форму: деградация окружающей среды для нашего поколения людей – это плохо, и, следовательно, ее нужно остановить. Иногда выдвигаются и более сложные аргументы, как, например, в работах Брайана Нортонa [Norton, 1991]. Нортон энергично пытался свести воедино точки зрения сторонников самоценности природы и антропоцентристов, выдвигая на первый план интересы будущих поколений людей. Так называемый «принцип конвергенции» Нортонa состоит в сближении позиций эгоцентристов и тех, кого можно назвать защитниками интересов будущих поколений на основе обоюдного стремления обеспечить сохранение окружающей среды. Он предположил, что наше незнание полезности различных сфер окружающей среды для будущих поколений и степени устойчивости экосистем приводит к появлению радикального «принципа предосторожности». Согласно этому принципу, природу следует защищать как в интересах будущих поколений людей, так и в силу исключительно эгоцентристских соображений.

Подобный «поворот к человеку» в политической теории зеленых принимает разные формы. Одним из самых влиятельных стало движение экологической справедливости [Dobson, 1998; Schlosberg, 1999; Martinez-Alier, 2002; Agyeman, Bullard, Evans, 2003]. Его активисты полагают, что бедность служит причиной деградации окружающей среды, а последствия этой деградации рас-

пределяются таким образом, что в первую очередь от нее страдают малообеспеченные люди и сообщества. Более того, как утверждают сторонники экологической справедливости, кампании в защиту природы как самостоятельной ценности часто пренебрегают интересами людей или даже угрожают им (так было в случае с проектами по защите тропических лесов или мегафауны). Социальная справедливость всегда была связана с распределением благ и убытков (bads), и экологическая справедливость не является исключением: окружающая среда наряду с богатством и бедностью, властью и безвластием становится тем ресурсом, который неравномерно распределяется между людьми.

С экокентристской точки зрения дискурс и практика экологической справедливости не достигают заявленных ими целей. Прежде всего, окружающая среда становится не более чем ресурсом (даже если этот ресурс трактуется в гуманистическом, а не утилитарном плане). Это напрямую противоречит экокентристской идее о том, что одна из причин экологического «кризиса» состоит в нашей неспособности увидеть в окружающей среде не ресурс, а нечто иное. В отличие от сторонников движения экологической справедливости и других представителей антропоцентризма экокентристы выступают за более гармоничные отношения с природой, за то, чтобы больше внимания обращать на ее самоценность.

Как и сам экологизм, социальные движения, разделяющие принципы экологической справедливости, весьма неоднородны. Один из важнейших документов этого движения – 17 принципов экологической справедливости, одобренные делегатами Первого национального саммита цветного населения за экологическое лидерство, который прошел 24–27 октября 1991 г. в Вашингтоне. Первый из этих принципов «закреплял священность Матери-Земли, экологическое единство и взаимозависимость всех видов на планете, а также право на свободу от экологического разрушения» [First national, 1991]. Аппелляция к этим принципам и эгалитарный пафос способствовали быстрому росту влияния движения экологической справедливости.

Данный пример демонстрирует не только «гуманизацию» экологизма, но также реакцию на нее тех, кто прежде вносил вклад в развитие экокентристской философии. Так, например, Брайан Бакстер считает возможным не только использовать концепт соци-

альной справедливости, но и наполнить его экоцентристским содержанием [Baxter, 2005]. Бакстер утверждает, что не только человек, но и объекты природы могут быть реципиентами справедливости. Однако есть и те, кто не разделяет эту точку зрения, в частности Джон Роулз.

Как отмечалось выше, другой основой раннего экологизма была концепция пределов роста. Но эта концепция тоже была модифицирована в угоду политической необходимости. Сложно представить политическую партию, ведущую предвыборную кампанию на платформе экоцентризма, точно так же сложно вообразить политический манифест, содержащий юридически обязывающее требование ограничить потребление в связи с сокращением ресурсной базы. И все же идея ограниченности ресурсов, внесенная в политическую повестку именно движением зеленых, была серьезно воспринята практически всеми частями политического спектра. Что конкретно это означает? Например, мы быстро привыкли к различению возобновляемых и невозобновляемых ресурсов, основанному на признании пределов и возможности полного истощения некоторых видов ресурсов. Уже сам по себе этот факт может иметь серьезные последствия для систем производства и потребления, а также для нормативных правил функционирования общества. Поскольку некоторые ресурсы действительно могут быть исчерпаны, бездумное стремление к экономическому росту уже не кажется правильным, как это было во времена неисследованного мира с его кажущимся бесконечным ресурсным богатством. Кроме того, с нормативной точки зрения, если пирог становится меньше, логичнее и правильнее делить его на равные куски, по контрасту с ситуацией, когда есть возможность делить пирог большего размера. В последнем случае призывы к равенству противоречат «теории просачивания», согласно которой от растущей экономики выигрывают все, даже если разница между самыми богатыми и самыми бедными увеличивается.

Концепция пределов роста и ее производные породили целый ряд откликов в политическом мейнстриме, самым важным из которых является экологическая модернизация¹. Хотя первые сторон-

¹ Экологическая модернизация не является однородным движением, существуют более или менее радикальные ее разновидности. Подробнее см.: [Christoff, 1996, p. 476–500].

ники концепции пределов роста сочли бы эту идею ересью, которая к тому же отходит от базовых принципов экологизма, в настоящий момент любая попытка написать об экологизме выводит на проблематику экологической модернизации. Одной из проблем, порожденных концепцией пределов роста, стало представление о том, что экономический рост предполагает все большее потребление ресурсов и все большее производство отходов. Сторонники идеи экологической модернизации полагают возможным преодолеть жесткую зависимость между экономическим ростом и использованием ресурсов. Технические инновации позволяют получать больший объем продукции из меньшего количества ресурсов, освободив тем самым экономический рост от привязки к потреблению ресурсов. Иногда этот аргумент называют «тезисом о дематериализации».

В данной работе я не считаю нужным ни вдаваться в детали дискуссии между сторонниками идеи экологической модернизации и приверженцами концепции пределов роста, ни тем более пытаться разрешить спор между ними. Я лишь стремлюсь показать, что отход от экоцентризма как базового принципа экологизма в сторону теорий о «будущих поколениях» или «просвещенного антропоцентризма» аналогичен тому, что происходило в контексте теории пределов роста и ее постепенной трансформации в направлении экологической модернизации. Изменения в первоначальных представлениях обеих этих концепций имеют нечто общее, а именно признание того, что идеи экологов обладают интеллектуальным и политическим содержанием, хотя и с ограниченным политическим потенциалом. Именно признание ограниченного политического потенциала способствовало появлению альтернативных, более популярных и политически практичных версий изначальных идей экологизма.

На данном этапе основной вопрос, обращенный прежде всего к нынешнему поколению представителей экологизма, состоит в следующем: достаточно ли происшедших изменений и смены приоритетов, чтобы переформулировать саму концепцию экологизма? Как я уже говорил ранее, ответ на этот вопрос в какой-то степени зависит от того, как мы определяем идеологию и что мы о ней пишем. В «Политической мысли зеленых» я утверждал, что идеологии отличаются друг от друга ключевыми представлениями, кото-

рые не могут быть позаимствованы другими идеологиями без радикальной смены своего характера. Я полагал, что экоцентризм и концепция пределов роста являются двумя признаками, которые выделяют экологизм из ряда других идеологий.

Например, экоцентризм. Вполне можно утверждать, что в широком смысле любая другая современная политическая идеология считает заботу о человеке своей главной задачей. Следовательно, экоцентризм становится ключевой отличительной чертой экологизма. Конечно же, было бы неверно утверждать, что другие идеологии игнорируют проблемы окружающей среды, — многие относятся к этим проблемам очень серьезно. Но это отношение чаще всего заключается в какой-либо версии «просвещенного антропоцентризма», в признании того, что защита и сохранение природы служат нашим собственным интересам. Схожим образом все современные политические идеологии, с одним или двумя спорными исключениями, поддерживают экономический рост, и, соответственно, идея о возможности существования пределов роста остается для них чуждой. Таким образом, концепция пределов роста также выделяет экологизм в ряду других политических идеологий.

Но именно здесь и появляется камень преткновения. Концепции, сформулированные в порядке ответа на основные принципы экологизма, а именно теория будущих поколений / «просвещенный антропоцентризм» и экологическая модернизация рассматривались мною как нечто, находящееся *между* экологизмом и другими идеологиями, а не как то, что характеризует конкретную идеологию. Вместо того чтобы быть ключевыми признаками, они вполне могут разделяться другими идеологиями. Если изучать современный экологизм в сравнении с его «предшественником» 20-летней давности, то сегодня межидеологические черты уже проявляются ярче, чем в идеологических платформах или комментариях ученых того времени. Так к какому же выводу мы придем? Что экологизм более не существует, так как утерян интерес к его сути?

Это не тот вывод, который я намереваюсь сделать. В конце концов, идеи, приведшие к появлению экологизма, никуда не исчезли, они просто отошли на второй план из-за компромиссов, сделанных в угоду политической и академической моде. Ранний экологизм был отмечен бескомпромиссной риторикой в духе «все или ничего». По словам Джона Барри, «всего лишь только сменить па-

радикальную и создать новую эоцентристскую этику было бы достаточно» [Barry, 1999, p. 6]. Барри, как и многие другие, утверждает, что «идеология зеленых характеризуется пренебрежительным отношением к раскрытию проблем теоретического и практического воплощения их принципов и ценностей» [Barry, 1999, p. 5]. Именно проблема разработки конкретных вопросов и привела к переосмыслению, о котором говорит Барри и которое в самых общих чертах включает «трансформацию, а не уничтожение либерального демократического государства» [Barry, 1999, p. 2]. В этом смысле мы оказываемся на особом этапе эволюции политической теории зеленых, когда эта теория вместо дистанцирования от сложившихся политических идеологий стремится на них влиять.

Упоминание либерального демократического государства указывает еще на один ключевой сдвиг, происшедший за последние 20 лет в идеологических предпочтениях зеленых, – сдвиг от децентрализованного общества экологического равновесия к ситуации, где государство (пусть и ограниченно) выступает агентом экологической трансформации. Одно время казалось, что позиция Алана Картера возобладает и государство останется в глазах теоретиков движущей силой «экологически опасной динамики» [Carter, 1999]. Но сейчас более распространена точка зрения Робина Эккерсли, развитая в книге «Зеленое государство», согласно которой «корабль можно перестроить в море, а не заводить его в сухой док и начинать все сначала» [Eckersley, 2004]. Конечно, экологи-теоретики всегда понимали, что по крайней мере некоторые экологические проблемы носят международный характер, как, например, загрязнение воздуха, которое не признает государственных границ. Глобализация усилила связи между причинами и следствиями экологических проблем, что было сложно предположить или предвидеть 20 лет назад. Вот почему традиционный лозунг старых зеленых «Действуй локально – мысли глобально» сегодня кажется многим менее эффективным и политически реалистичным. Изменившиеся обстоятельства и контекст привели к переосмыслению роли и места государства в экологической теории и практике; было предпринято несколько попыток описания «эко-» или «зеленого» государства [Doherty, 1996; Eckersley, 2004]. Еще раз отмечу, что целью данной статьи не является оценка сильных и слабых сторон этих работ, – для меня важно показать актуальную тенденцию эн-

вайронменталистской политической теории, заключающуюся в том, что предпочтительной формой социальной организации теперь считается государство, а не тот или иной вариант децентрализованного общества.

Подводя итоги всему вышесказанному, следует отметить, что все три признака и основы экологизма за прошедшие 20 лет претерпели серьезную трансформацию. Основными тенденциями являются усиливающаяся вовлеченность в политическую жизнь и уменьшающаяся зависимость от нормативных положений, которые первоначально и выделяли экологизм из ряда других идеологий. Что произойдет в будущем? Крайне маловероятно, что представления и идеи 20-летней давности вновь станут играть ключевую роль в современном экологизме, особенно учитывая, что экологические проблемы все больше оказываются в фокусе внимания политического мейнстрима.

Однако, как мы отметили выше, нормативные ценности продолжают доминировать в энвайронменталистской политической теории, пусть в измененной и сглаженной форме. Все признаки указывают, что различия между энвайронментализмом и экологизмом в сфере защиты окружающей среды актуальны как никогда. Например, финансовый кризис 2008–2009 гг. стимулировал интерес зеленых к «Зеленому новому курсу» («Green new deal»), который должен помочь бороться с тройной угрозой: финансовый хаос, уменьшение запасов нефти и катастрофическое изменение климата. В широком смысле «Зеленый новый курс» включает в себя переориентацию финансового сектора и бюджетной поддержки на развитие «зеленых» технологий. В политико-экологической плоскости существуют более или менее радикальные подходы и версии «Зеленого нового курса». Тим Джексон отметил, что один подход заключается в рутинном ведении бизнеса: «Запустить циркуляцию экономики и наблюдать за ее ростом» [Jackson, 2009, p. 66]. С этим контрастирует другой подход, суть которого состоит в следовании кейнсианскому рецепту «возвращения экономики к постоянному стабильному потреблению». Однако этот рецепт противоречит принципу экологической устойчивости. «Не существует четкой и последовательной концепции экономики, которая позволит уничтожить связь между экономическим ростом и потреблением ресурсов. А требования экономического роста безудержно склоняют нас

к еще более несбалансированному потреблению ресурсов. Нужна совершенно другая структура экономики, чтобы мир стал экологически безопасным» [Jackson, 2009, p. 67].

И почему все это кажется таким знакомым?

ЛИТЕРАТУРА

- Agyeman J., Bullard R., Evans B.* Just sustainabilities: Developing in an unequal world. – L.: Earthscan, 2003. – 367 p.
- Barry J.* Rethinking green politics. – L.: Sage, 1999. – viii, 291 p.
- Baxter B.* A Theory of ecological justice. – N.Y.; L.: Routledge, 2005. – 206 p.
- Carter A.* A Radical green political theory. – N.Y.; L.: Routledge, 1999. – 409 p.
- Christoff P.* Ecological modernization, ecological modernities // *Environmental politics*. – L., 1996. – Vol. 5, N 3. – P. 476–500.
- Dobson A.N.H.* Green political thought. – 1st edition. – L.: Unwin Hyman, 1990. – 225 p.
- Dobson A.N.H.* Green political thought. – 4th edition. – Abingdon, N.Y.: Routledge, 2007. – 225 p.
- Dobson A.N.H.* Justice and the environment. – Oxford: Oxford univ. press, 1998. – 280 p.
- Doherty B., De Geus M.* Democracy and green political thought. – N.Y.; L.: Routledge, 1996. – 235 p.
- Eckersley R.* Environmentalism and political theory. – L.: Univ. college of London press, 1992. – 284 p.
- First national people of color environmental leadership summit: Principles of environmental justice. – 1991. – Mode of access: <http://www.ejnet.org/ej/principles.html> (Последнее посещение – 25.01.2010.)
- Jackson T.* Prosperity without growth: Economics for a finite planet. – L.: Earthscan, 2009. – 160 p.
- Martinez-Alier J.* The environmentalism of the poor: A study of ecological conflicts and valuation. – Cheltenham: Edward Elgar, 2002. – 328 p.
- Meadows D. et al.* Beyond the limits: Global collapse or a sustainable future. – L.: Earthscan, 1992. – 320 p.
- Meadows D. et al.* Limits to growth: The 30-year update. – L.: Earthscan, 2005. – 368 p.
- Meadows D., Randers J., Behrens W.* The limits to growth. – L.: Pan books, 1974. – 208 p.

Green parties in national governments / Ed. by F. Müller-Rommel, T. Poguntke – L.; Portland: Frank Cass, 2002. – 262 p.

Norton B. Toward unity among environmentalists. – N.Y.; Oxford: Oxford univ. press, 1991. – 286 p.

Schlosberg D. Environmental justice and the new pluralism. – Oxford: Oxford univ. press, 1999. – 240 p.

Thatcher M. Speech to the Royal Society. – 1988, September 27. – Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=107346> (Последнее посещение – 25.01.2010.)

Пер. с англ. А.А. Ратникова под ред. Д.В. Ефременко